

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ЦЕРЕМОНИАЛ ПРИ ДВОРЕ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ*

Елена Смилянская

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия;
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

THE DIPLOMATIC CEREMONIAL AT THE COURT OF CATHERINE II

Elena Smilyanskaya

National Research University Higher School of Economics,
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Referring to relevant approaches to the study of diplomatic culture and the semiotics of gestures, this article examines the significance of kissing the sovereign's hands in diplomatic ceremonies in western Europe, and, more particularly, in Britain and Russia. Confusion and disagreement over the meaning of this gesture could become a major stumbling block in the evolution of Anglo-Russian relations at the very moment when there was a willingness to become closer owing to the expanding sphere of mutual political interests. With the arrival of the British ambassador Charles Cathcart and his wife in Russia in 1768, the ceremony of the first audience of the ambassador and (especially) the ambassadress with the sovereign was the subject of intense negotiations in the highest echelons of power. The discussion focused on the act of kissing the sovereign's hands. A gesture

---

* *Citation*: Smilyanskaya, E. (2020). The Diplomatic Ceremonial at the Court of Catherine II. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1255–1273. DOI 10.15826/qr.2020.4.526.

Цитирование: Smilyanskaya E. The Diplomatic Ceremonial at the Court of Catherine II // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1255–1273. DOI 10.15826/qr.2020.4.526 / Смилянская Е. Дипломатический церемониал при дворе Екатерины Второй // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1255–1273. DOI 10.15826/qr.2020.4.526.

that in Russia had long been considered a sign of the monarch's mercy towards the ambassador of another Christian state might seem an acknowledgement of subordination or submission to the Scottish Lord Cathcart. The tradition had no parallel in the diplomatic ceremonies of other European courts. Why did the Russian government, which sought to match diplomatic ceremonies at the court with Western European protocols, not compromise when it came to this formality? How did the key persons of the story – Cathcart and Count Nikita Panin – evaluate the possible consequences of not carrying out the required ceremonial protocols? What concessions and violations were the two sides prepared for in these disputes over ceremony in the name of “high politics”? Referring to archival materials from the National Archives of the United Kingdom, the personal papers of the Cathcart family kept in the National Library of Scotland, and several published dispatches of British representatives in Russia, the author studies the reflections of Lord and Lady Cathcart on their introduction to Empress Catherine II. The analysis leads the author to conclude that Catherine II perceived the kissing of the sovereign's hands as an indispensable prerequisite for starting any diplomatic mission and as a historically established gesture that demonstrated the grandeur of the crown. Negotiations over the act of hand-kissing in 1768 showed that this ceremonial detail was not a mere formality but could become the key factor in the success of an ambassador's mission.

Keywords: Catherine II; European diplomacy; Russo-British relations; diplomatic ceremonial; Russian court; kissing hands in European history.

В русле актуальных направлений изучения дипломатической культуры и семиотики жеста в статье рассматривается значение целования руки правителя в дипломатическом церемониале и ставится вопрос о семантике жеста целования руки на Западе, прежде всего в Британии, и в России. Вопрос о значении в дипломатическом церемониале российского двора жеста целования руки императрицы мог стать камнем преткновения в развитии российско-британских отношений в 1768 г., в период, когда две империи выражали большую заинтересованность в сближении и расширении политического взаимодействия. С прибытием в Россию британского посла Чарльза Каткарта с супругой церемониал первой аудиенции посла, и в особенности аудиенции «посольши», стал предметом оживленных переговоров на самом высоком уровне. Принятый столетиями в России жест милости монарха к послу христианской державы в понимании шотландского пэра лорда Каткарта мог быть воспринят иначе – как признание подчинения, и к тому же как жест, не имеющий аналогов в дипломатическом церемониале прочих дворов Европы. Почему Россия, стремившаяся к унификации своего дипломатического церемониала с западноевропейским, в обсуждении обычая целования руки не пошла на компромисс? Как расценивали возможные последствия неисполнения требований церемониала посол Каткерт и граф Н. И. Панин? На какие уступки и нарушения стороны готовы были пойти в церемониальных спорах во имя «большой» политики? Рефлексия лорда и леди Каткарт

относительно представления Екатерине II исследуется на основании архивных материалов Национальных архивов Великобритании, личных бумаг лорда и леди Каткарт из Шотландской национальной библиотеки, а также частично опубликованных депеш британских представителей в России. Проведенное исследование позволяет заключить, что в 1768 г. Екатерина II рассматривала целование руки правителя России как непременное условие для начала любой дипломатической миссии христианского государства, как жест, утвердившийся исторически и демонстрирующий величие короны. Обсуждение жеста целования руки в 1768 г. показало, что любая деталь церемониала являлась не только условностью, но могла стать условием для реализации большой политической миссии.

Ключевые слова: Екатерина II; европейская дипломатия; российско-британские отношения; дипломатический церемониал; российский двор; целование руки.

Целование руки составляет обычай,
утвердившийся здесь [в России] с незапамятных
времен, и вовсе не рассматривается в том смысле,
который придается ему у нас [в Британии]...

Из реляции британского посла в России лорда Каткарта. 1768

Многочисленные исследования, посвященные роли дипломатического церемониала и становлению особой *дипломатической культуры* в Европе Нового времени, показывают, что унификация этого церемониала в европейских странах XVIII в. не исключала сохранения каждым двором собственных этикетных норм, а растущее влияние в международных отношениях французского церемониального образца и французского языка – признания в дипломатии и иных символических и лингвистических правил. Как бы ни казалось Московское царство из Лондона, Парижа, Вены или Мадрида царством «восточным», периферией «цивилизованного» мира, в Москве не только следили за соблюдением в посольском обряде достоинства своего государя-самодержца, но и готовы были воспринимать правила и новации западного дипломатического этикета [Henning; Юзефович; Scott, 2007]. С петровского времени, и это превосходно показало исследование О. Г. Агеевой, принятие условностей дипломатического церемониала Западной Европы ясно осознавалось как важная составляющая успеха международной политики, а то, сколь придирчиво анализировался посольский обычай различных христианских держав при выработке российского «Церемониала по приему европейских послов первого ранга» 1744 г. (и при внесении в него изменений при Петре III и при Екатерине II), показывает, что Россия вполне успешно в век Просвещения освоила дипломатическую культуру Запада [Агеева, с. 65, 66].

Между тем, детальный анализ норм дипломатического церемониала отдельных держав и общих принципов этикета XVIII в. редко соединяется с изучением *смыслов, которые вкладывали в предписываемые жесты и правила коммуникации участники церемонии* (дипломаты и принимающие их правители), с исследованием того, как они расценивали последствия неисполнения требований церемониала, на какие компромиссы и нарушения стороны готовы были пойти в церемониальных спорах во имя большой политики.

Казус с представлением Екатерине II в 1768 г. британского посла Чарльза Каткарта и его супруги-«посольши» отчасти позволяет приоткрыть закулисные церемониальной игры дипломатического театра и говорить о связи церемониала и международной политики.

В 1767 – начале 1768 г. Британия и Россия, уже несколько лет обсуждавшие возможности заключения союзного договора и укрепления Северной системы [Scott, 1976], решаются на усиление взаимного дипломатического представительства и на назначение послами 1-го ранга весьма влиятельных, хотя и не имевших до того дипломатического опыта фигур – с российской стороны в Лондон был назначен граф И. Г. Чернышев, брат главы Военной коллегии, сам шеф галерной эскадры и близкое доверенное лицо императрицы, а с британской стороны в Петербург должен был прибыть один «из шестнадцати перов шотландских», кавалер «древейшаго и изящнейшаго ордена Терна» (так переведено в России, на самом деле – ордена Чертополоха), первый комиссар полиции в Шотландии и генерал-поручик британской армии лорд Чарльз Каткарт (Cathcart).

Отъезд послов задержался до лета 1768 г., что объяснялось вполне уважительной причиной: посол Каткарт отбывал в Россию со своим семейством, а его жена леди Джейн (урожденная Гамильтон) была беременна, беременность соединялась со слабым здоровьем, и до разрешения от бремени Каткарты покинуть Англию не могли. Не спешил и И. Г. Чернышев со своим семейством, обстоятельно собираясь в посольство и, вероятно, не желая опередить своего визави Каткарта во вступлении в дела.

С момента отъезда из России в мае 1767 г. посланника Джорджа Маккартни (Macartney) прошел год, в это время в Петербурге всеми делами британской миссии распоряжался секретарь посольства Генри Ширли (Henry Shirley), присылавший в Лондон весьма подробные депеши о состоянии российских дел. Только в июне 1768 г. в Санкт-Петербург прибыл новый секретарь британской миссии Льюис де Визм (Lewis de Visme), который готовил вместе с Ширли приезд нового чрезвычайно и полномочного посла лорда Каткарта с семейством.

Лето 1768 г. оказалось весьма благоприятным для российско-британских отношений. Екатерина ждала, что Британия как извечный сильнейший соперник Франции сможет сдержать французское влияние на Швецию и Данию, обеспечив стабильность на Балтике, займет доброжелательную к России позицию в польском вопросе

и в возможной войне с Османской империей. Представляется очевидным, что отправка в Британию именно И. Г. Чернышева, занятого до его посольства делами флота и вернувшегося из посольства в 1769 г. вице-президентом Адмиралтейств-коллегии, была связана с подготовкой режима благоприятствования при прохождении мимо берегов Британии российского флота Первой архипелагской экспедиции [подробнее см.: Смилянская И. М., Велижев М. Б., Смилянская Е. Б., с. 59–62, 97; «Русская верность, честь и отвага» Джона Элфинстона; Anderson].

Были и иные признаки, которые позволяли современникам говорить об интересе, а порой и симпатии императрицы к Британии и британцам [Кросс; Смилянская]. Особое расположение императрицы к англичанам на языке дипломатического этикета выразилось уже в июле 1768 г. в беспрецедентной милости к присланному за несколько недель до лорда Каткарта новому секретарю британского посольства де Визму: его представляют императрице и принимают в Петергофе, где он играет с Екатериной в карты и удивляется, что ему, иностранному посланнику третьего ранга, без верительной грамоты (которую должен был представить только лорд Каткарт) оказан такой небывалый почет [TNA. SP 91/79. F. 133].

Каткарты прибыли в Кронштадт 3/14 августа 1768 г. на фрегате «Твид», специально отправленном с ними, их шестью чадами и домочадцами, с воспитателем их детей Уильямом Ричардсоном и большим багажом. В это же время в Лондон наконец отправилось семейство Чернышевых.

Согласно церемониалу, первый визит иностранный посол должен был нанести канцлеру, и 5/16 августа Каткарт впервые встретился с графом Н. И. Паниным. Собеседники явно понравились друг другу: лорд назвал прием у Панина «наилюбезнейшим» (*as cordial as possible*), и собеседники договорились об аудиенции с представлением нового посла императрице на текущей неделе [Ibid. F. 149]. Далее послу предстояло встретиться с церемониймейстером двора и сопровождавшей его свитой, отправиться в императорской карете на общую аудиенцию, вручить в аудиенц-зале императрице верительную грамоту, представить «секретаря и дворян посольства», которые при этом допускались к целованию императорской руки, после чего следовали представления наследнику и членам императорской фамилии [ПСЗ-1, т. 12, с. 65–70; Агеева, с. 216–228]. Этот порядок, однако, был нарушен по инициативе самой императрицы Екатерины, выказавшей явное нетерпение по поводу предстоящего знакомства с новым чрезвычайным и полномочным послом британской короны (ее ожидания в будущем действительно оправдаются, а Каткарт войдет в узкий круг собеседников императрицы и не раз испытает ее дружеское расположение).

Первая встреча Екатерины II с новым британским послом могла состояться даже до прибытия его фрегата в Кронштадт. Отправленный в Кронштадт на встречу Каткарту его соотечественник С. К. Грейг,

уже четыре года как состоявший на русской службе, сообщил послу, что императрица на яхте с небольшой эскадрой была в западной части залива и высматривала его фрегат «Твид», однако, к своему разочарованию, приняла за него другое судно. Каткарт узнал, что Екатерина II собиралась послать за ним шлюпку и пригласить к себе на яхту, но “she would be glad to see him not as Empress, but as a lady who desires to begin an acquaintance with him”. Каткарт рассчитывал, что его королю Георгу III сообщат об этих “early dispositions in the Empress to honor and distinguish His minister” [TNA. SP 91/79. F. 147 v.; NLS. MD. 12686/5/20]. Это же подтвердил в реляции еще от 20/31 июля 1768 г. секретарь британского посольства Ширли, добавив, что императрица столь нетерпеливо ожидает Каткарта, что отправила на предполагаемый «Твид» барона Черкасова, “who talks very good English” [TNA. SP 91/79. F. 179]. Однако в то время, когда императрица надеялась на частную встречу с лордом-послом, его фрегат сел на мель в финских шхерах и едва избежал крушения.

Желание императрицы как можно скорее познакомиться с британским послом повлияло и на то, что всего за два дня до церемонии официального представления на аудиенции во дворце Каткарт был приглашен на торжественную закладку Исаакиевского собора, состоявшуюся 8/19 августа 1768 г. После подробно описанной им церемонии, сопровождавшейся молебном, посол имел и первую беседу с императрицей [СИРИО, т. 12, с. 349–351]. Подобному заметному нарушению церемониального порядка было найдено объяснение, подчеркивавшее особый «семейный» статус российско-британских отношений (Каткарт участвовал в закладке первых камней собора как «*ambassadeur de famille*»).

Официальная аудиенция британского посла с вручением верительной грамоты состоялась в воскресенье 10/21 августа, и послу было выказано расположение и императрицы, и наследника [TNA. SP 91/79. F. 180]. Никаких отступлений от принятого церемониала допущено не было, разве что британский посол оправдывался перед своим королем, что представлял свою речь не на родном английском языке (тогда императрица говорила бы по-русски), а на французском, как то предложила императрица [Ibid. F. 159 v.], впрочем, выбор французского как языка дипломатического общения ко второй половине XVIII в. стал нормой.

Однако в полной мере войти в жизнь петербургского двора и начать выполнение своей важной политической миссии послу помешали трудности церемониального характера. Для их преодоления были потрачены многочасовые усилия лорда Каткарта и главы Коллегии иностранных дел графа Панина, их секретарей, курьеров, перевозивших сообщения между Петербургом и Лондоном, британского государственного секретаря лорда Уэймута и, возможно, потребовались санкции Георга III и Екатерины II. По сути, дальнейшее пребывание в Российской империи британского посла зависело от представления

при дворе его супруги леди Джейн Каткарт, точнее, от одного этикетного жеста – *целования «посольшей» руки российской императрицы*.

Судя по дипломатическим реляциям за август–сентябрь 1768 г. (а за этот период в Лондон были отправлены десять донесений), обсуждение вопроса представления «посольши» составило значительную часть дипломатической переписки лорда Каткарта с государственным секретарем по Северной Европе.

Итак, 11/22 августа, на следующий день после аудиенции и представления императрице, состоялась длинная беседа британского посла с графом Паниным, два часа которой были посвящены церемониалу представления леди Джейн (!). Каткарту указали на церемониал 1744 г., чтобы он понял, что своим отказом соблюдать его последовательность «заслужил бы осуждение за то, что привез сюда» жену, что на будущее королю придется «предписывать своим послам оставлять жен в Англии, или женам их в случае, если им не понравится это условие, оставаться дома» и не появляться в свете [СИРИО, т. 12, с. 345, 347]. Эти аргументы, судя по всему, впечатлили лорда, так что на завтра в депеше (от 12/23 августа) он сообщал в Лондон, что склонен следовать требованию российского двора, чтобы его супруга во время представления поцеловала руку императрице.

Как объяснял британский посол свою позицию в этом вопросе? Во-первых, он ссыался на *древность* этого обычая; во-вторых, на особую связанную с православным церковным ритуалом семантику этого жеста; наконец, на особенности российского этикета:

Целование руки составляет обычай, утвердившийся здесь с незапамятных времен и вовсе не рассматривается в том смысле, который придается ему у нас, так как я видел, что императрица целовала руку всему духовенству, целовавшему ее руку в прошлую Пятницу, и все придворные дамы сначала целуют друг другу руку и уже после того раскланиваются, и, следовательно, это принадлежность этикета [Там же, с. 346].

Далее Каткарт упоминал и прецеденты, когда шведская «посольша» графиня Седергельм (Cederhielm) целовала руку Екатерине, тогда как супруга испанского посланника *не поцеловала руку только* «из желания ее двора оскорбить императрицу» [Там же]. Наконец, в завершение своего пространного донесения Каткарт сообщал, что, хотя от послов и прочих министров требуется целовать руку императрицы только один раз при представлении, те охотно целуют руку Екатерине всякий раз, когда она выходит в приемные залы [Там же, с. 347]. Словом, после беседы с Н. И. Паниным британский посол, сам уже целовавший руку императрице во время приемной аудиенции, был готов к исполнению этого требования при представлении своей супруги, если от этой малости зависел успех его миссии, однако не прочь был все-таки заручиться на этот счет и разрешением своего правительства.

Через три дня 15/26 августа лорд Каткарт снова составляет послание в Лондон, сообщая о своих «мыслях и намерениях» относительно представления леди Каткарт. Он пишет, что ему прислали российский «Церемониал...» 1744 г. и перевели его; изучив этот документ, он пришел к выводу, что целование руки не упоминается в этом акте, но с этим обычаем “being an ancient and invariable usage which all who are presented comply with”. Тут же Каткарт отметил, как просто ведет себя во время этой церемонии императрица: ему даже показалось, когда его представляли, что она и не предлагала ему руку для поцелуя и даже как будто не ожидала целования, и, если бы это не было столь важным условием, само целование могло бы выпасть из его памяти [TNA. SP 91/79. F. 183–183 v.]. Эти замечания посла со всей очевидностью должны были подготовить адресата его депеши государственного секретаря лорда Уэймута к признанию незначительности этой статьи церемониала, которую, отметим, в разговоре с Н. И. Паниным сам Каткарт назвал «важным и щекотливым вопросом» [СИРИО, т. 12, с. 353]. Щекотливость состояла прежде всего в том, что английский двор не мог потребовать ради «симметрии», чтобы российская «посольша» (в данном случае графиня Чернышева) поцеловала руку королеве, так как такой жест отсутствовал в британском дипломатическом этикете.

В результате переговоров Каткарт попросил Панина закрепить документально, чтобы не только его супруга, но впредь ни одна *ambassadrice* не была бы представлена императрице без целования руки, и что королевская *ambassadrice* (то есть супруга британского посла) займет в придворной иерархии наивысшее место, уступив первенство только обергофмейстерине. И эта просьба Каткарта российским двором была принята.

Видимо, не желая показать, что рад итогам переговоров, Каткарт еще немного потянул с согласием, вновь уверяя, что такое деликатное дело он не может решать самостоятельно, не получив точного дозволения короля, что он должен получить согласие и самой леди Каткарт, “to whom... this question had by no means been indifferent, as she is not only peeress of Great Britain, but immediately descended from the united houses of Hamilton and Duglas, the most illustrious of the country” [TNA. SP 91/79. F. 185 v. –186]. Однако лорд Каткарт был доволен и полученной «Декларацией Министра Российской империи британскому послу Каткарту по случаю представления госпожи *ambassadrice*» [Ibid. F. 202], и тем, что не без затруднений получил от Панина уверение, что госпоже «посольше» придется поцеловать руку императрицы только однажды во время первой частной аудиенции. В конечном итоге обе стороны остались довольны друг другом, и успех в разрешении церемониальной проблемы закрепил вполне доверительные отношения британского дипломата и главы Коллегии иностранных дел на все без малого четыре года пребывания Каткарта в России. Каткарт выразился об этом так: “We parted the best friends imaginable”

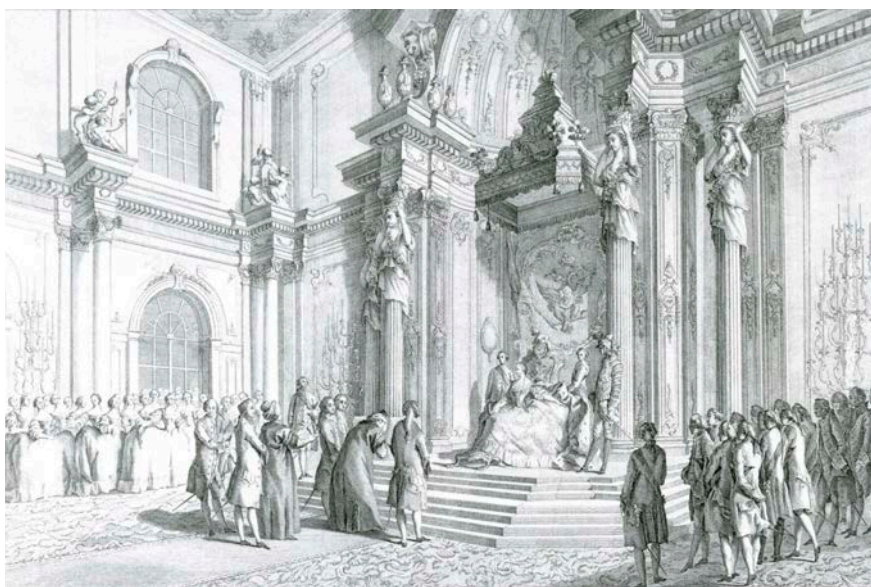
[TNA. SP 91/79. F. 188–188 v.]. Как выяснилось в дальнейшем, положительного ответа из Лондона посол дожидаться не стал, вероятно, давно имея соответствующие полномочия признавать за российским двором право на церемониальные различия.

Все перипетии, связанные с представлением супруги британского посла в 1768 г., могут показаться малопримечательными, если бы они не выявили существенных различий в понимании значения *целования руки* в культурах России и Британии.

В средневековой Европе целование руки, как и ноги сюзерена, рассматривалось как *знак преклонения и приветствия* младшим старшего; исследователи считают этот обычай, имеющий древнее происхождение, заимствованным из Византии и рано вошедшим в церемониалы королевства Бургундии, Испании и империи Габсбургов [Ньюроп, с. 90; Hofmann-Randall]. В империи Габсбургов и Неполитанском королевстве церемониал целования руки членам императорской/королевской фамилии существовал дольше, чем в других странах Запада; в Священной Римской империи он был отменен лишь при Иосифе II [Corfield, p. 12; Frötschel, p. 166].

Пожалование к руке в России рассматривалось прежде всего как *особая милость* властителя к своим подданным или к иноземным послам христианских держав [ср.: Юзефович, с. 185–187]. Не случайно лорд Каткерт писал в Лондон: «русским весьма трудно понять, чтобы в целовании руки при здешнем дворе, где оно так давно в обычае, усматривалось что-либо неприличное или унижительное (*improper and humiliating*), хотя оно и не принято при дворах тех послов, которые так охотно на него соглашаются (выделено мною. – Е. С.)» [СИРИО, т. 12, с. 347].

По мнению известного востоковеда Н. И. Веселовского, в посольский церемониал Московского царства древний обычай целования руки правителя пришел с Востока через Орду и входил в набор этикетных жестов, имевших целью *воздать честь* государю [Веселовский, с. 1, 3; Байбурин, Топорков, с. 54]. Вместе с тем в Москве этой чести/милости могли удостоиться только христиане, что, кажется, оставалось неизменным и в позднейшем церемониале приема восточных послов, которых целованием руки не жаловали, но возлагали руку им на голову [Юзефович, с. 188–189]. Из известий XVI в. самое, кажется, раннее относится к маю 1514 г., когда великим князем Василием III был принят в Москве первый османский посол Камал Феодорит, и «князь велики звал Камала к себе в руце. И Камал, пришед, целовал великого князя в руку. И князь велики велел ему сести близко себя на скамье». Камал Феодорит в грамоте назван греком (хотя, по иным данным, он уже принял ислам), поэтому ему была оказана честь целования руки, как и совместной трапезы с великим князем [СИРИО, т. 95, с. 96; Юзефович, с. 188]. Принятый тем же Василием III, Сигизмунд Герберштейн писал: «Говорят, что, *подавая руку* послу римской веры, государь считает, что подает ее человеку оскверненному и нечистому, а потому, отпустив его, тотчас моет руки»

А. Казачинский. Прием турецкого посольства 14 октября 1764 г. в аудиенц-камере Невской анфилады Зимнего дворца. Гравюра. 1794

A. Kozachinsky. Catherine the Great Receives Ottoman Ambassadors on October 14, 1764 in the Neva Gallery of the Winter Palace. Engraving. 1794

(правда, напрямую о *целовании* руки Герберштейн не пишет, между тем гонцы и посланники низкого ранга могли допускаться только к пожатия царской руки) [Герберштейн, т. 1, с. 551]. В российском церемониале приема западных посольств в XVII в. обычай целования руки правителю Московии оставался [см.: Hennings, p. 115; Юзефович, с. 185–191]. И позднее при всем стремлении придать российскому дипломатическому церемониалу, все еще казавшемуся на Западе «восточным», новые черты, замеченные Петром в Европе еще во время Великого посольства, целование руки правителя из российского церемониала исключено не было [Корб, с. 89; Агеева, с. 138; Hennings, p. 209]. В конце петровского царствования обычай подводить послов для целования монаршей руки сохранялся неизменным. В России, идя к трону, каждый дипломат делал три поклона, затем, поцеловав руку царю, кланялся три раза и еще трижды кланялся, отходя от трона [Агеева, с. 170].

Однако при Петре появились и первые протесты западных дипломатов, касавшиеся принятой в России «милости» целования государственной руки. Отказывались целовать руку Петру I датский посланник и посол британского величества, ссылаясь на то, что такого обычая нет при дворах всей Европы [Hennings, p. 234]. И примечательно, что в 1710 г. Петр согласился на требование британского посла Чарльза Уитворта (Whitworth), и на приемной аудиенции посол царскую руку не целовал [подробнее см.: Агеева, с. 153–155, Hennings, p. 234].

С наступлением женских царствований в Российской империи, казалось бы, у церемониала целования императорской руки для западноевропейских дипломатов появились новые вполне соответствующие куртуазной культуре оправдания, и примечательно, что сведений о серьезных скандалах с отказом от целования руки императрицы или регентши до конца елизаветинского царствования в источниках не обнаруживается. Да и российский дипломатический церемониал в женские царствования, казалось бы, переставал быть для Европы уникальным: так, в посольском церемониале в Священной Римской империи после представления императору дипломата провожали для целования руки ее императорского величества [Rousset de Missy, p. 479]. Напомним, что и британский посол Ч. Каткарт в 1768 г. сам готов был целовать руку *даме* – Екатерине II, смущало его лишь не принятое при западных дворах целование женщиной-посольшей руки женщины-правительницы.

В 1744 г., когда Елизаветой Петровной был подтвержден разработанный в церемониальном ведомстве двора и в Коллегии иностранных дел первый законодательный акт о церемониале приема иностранных послов первого ранга, в нем, как и в европейских образцах, на которые он опирался [Агеева, с. 188–197], отсутствовало указание на обряд целования руки правителя самим послом при первой публичной аудиенции и вручении верительных грамот. Не было такого указания и в части, касающейся *приема посольши*, что также соответствовало западным образцам: согласно подробному описанию прав и церемониалов для супругов послов при разных дворах Европы, составленному Ф.-К. фон Мозером в середине XVIII в., на Западе не было принято, чтобы госпожа *Ambassadrice* целовала руку правителям и правительницам, а поцелуй в щеку или лоб она могла принимать как приветственный жест со стороны встречающей ее правящей особы [Moser].

Однако в церемониальной практике российского двора при Елизавете послы и редкие прибывавшие в Россию их супруги, когда их «милостиво жаловали к руке», продолжали целовать протянутую им руку императрицы. Лишь в 1760 и 1761 гг. из-за того, что жены двух бурбонских посланников, французского Бретейя и испанского Альмадовара, отказались целовать руку великой княгини Екатерины Алексеевны (руку императрицы Елизаветы они целовали), возник дипломатический скандал, для его разрешения от Коллегии иностранных дел потребовали собрать сведения обо всех случаях, когда «посольши» целовали руку членам императорской фамилии [Бильбасов, с. 447–451; Агеева, с. 661–663]. Вероятно, с этим конфликтом было связано повеление только что вступившего на престол Петра III «о нецеловании рук от чужестранных министров ее величеству... для избежания всяческих споров» [Агеева, с. 244]. И, хотя повеление Петра Федоровича не было соблюдено, после этих явно унижавших Екатерину жестов вопрос о целовании руки, по-видимому, приобрел для нее принципиальное значение. И вот уже через четыре дня после

переворота 2 июля 1762 г. императрица жаловала к руке приехавших для поздравления представителей дипломатического корпуса, включая и консула Британии [Агеева, с. 246]. Через месяц возник вопрос посла Священной Римской империи графа Мерси о том, что, раз при венском дворе послы не целуют руку императрице Марии-Терезии, то послу его империи в Санкт-Петербурге тоже целовать руку императрице не следует. Но апробированный Екатериной II ответ канцлера Воронцова был однозначен: «при здешнем дворе сие обыкновение от древних времен всегда непременно наблюдалось, и в том никогда отмены сделано не будет» [СИРИО, т. 48, с. 37].

Возможно, здесь и кроется объяснение тому, что в описанной выше ситуации 1768 г. ни Н. И. Панин, ни императрица, весьма заинтересованные в укреплении сотрудничества с Британией, не желали пойти на уступки британской *Ambassadrice* в части, касающейся целования руки, как и впредь требовали от *всех прочих посольи* исполнения этой части церемониала («*que pour remplir le droit de l'égalité on promet et assure que ni à présent ni à l'avenir aucune Ambassadrice d'aucune Cour souveraine ne pourra et ne sera autrement présentée et reçue de l'Impératrice*»).

Итак, если в России на протяжении веков пожатие к руке рассматривалось как особая милость государя и государыни, а отказ от целования руки мог расцениваться как оскорбление, то опасное для судьбы их дипломатических миссий сопротивление Ч. Уитворта в 1710 г. и Ч. Каткарта в 1768 г. в этом вопросе говорит о принципиально ином понимании британскими дипломатами этого символического жеста. Очевидно, что в XVIII в. для британцев такая форма выражения приветствия и почтительности казалась неприемлемой или по меньшей мере неприятной по целому ряду причин.

Ближайшим аналогом церемониального «пожатия к руке» шотландским и английским протестантам века Просвещения могло казаться целование руки священнослужителя в католической и православной церковной традиции. В церковном ритуале и католиков, и православных целование руки священнослужителя имеет древнее происхождение и сходное символическое объяснение – почитание Всевышнего: священнослужитель рукой благословляет и именем Божиим дарует благодать, совершая таинства; прикасающийся губами к его руке мысленно целует невидимую руку Спасителя. Но британские дипломаты, принадлежавшие к англиканской церкви или другим протестантским религиозным деноминациям (в которых целование руки духовного пастыря не принято) в XVIII в., скорее всего, разделяли антикатолические настроения, усилившиеся после восстания шотландских якобитов. Напоминало ли им целование руки правителя ритуалы католицизма или малопонятного греческого православия, можно лишь догадываться. Но косвенно это подтверждает удивление, с которым посол Каткарт наблюдал за молебном при закладке Исаакиевского собора 8/19 августа 1768 г. В своей депеше в Лондон он сообщал:

Я никогда не видел такого торжественного и великолепного зрелища, но не должен забыть упомянуть *о весьма удивительном обстоятельстве*: все духовенство по чинам подходило к Императрице и целовало ей руку, а она, в свою очередь, в то же время целовала их руки (выделено мною. – Е. С.) [СИРИО, т. 12, с. 351].

Нежелание англичан участвовать в церемониале целования руки правителя могло быть связано и с архетипическим пониманием этого жеста как жеста *преклонения и подчинения*, что они как представители и подданные своего монарха не готовы были демонстрировать чужому правителю. Но в XVIII в. церемониальный жест мог вызывать отторжение и по иной причине, связанной со значительными различиями в культурах Британии и России в отношении к тактильным контактам, к нарушению границ «телесного суверенитета» индивида.

Знакомый с Каткартами контр-адмирал российского флота шотландец Джон Элфинстон писал в это же время:

Обычай русских долго целоваться и обниматься, встречаясь после расставания, а также по самым пустым поводам, для англичанина выглядит *отвратительным* (выделено мною. – Е. С.) [«Русская верность, честь и отвага» Джона Элфинстона, с. 318].

Удивлялась такому обычаю и леди Каткерт, когда, освоившись в светском обществе Санкт-Петербурга, стала записывать впечатления о России. На страницах своего «Memoranda of Russia» она несколько раз возвращается к теме поцелуев:

I observe the ladies here are much kinder in their meeting of one another than in England or in France, kissing one another upon the mouth, the cheeks would suffer not only at meeting... but very frequently in the course of their conversations together like children;

The ladies kiss one another at all meetings, first one another's hand and then their faces, but the ceremony with their men friends is still more singular for these having kissed the ladies hand or glove she in return kisses them on the cheek as I kiss a child;

I may also take note in this place, that the men kiss one another upon each cheek every time they meet [NLS. MD. 12686/5/20].

Несколько позднее о том, что вместо «наших [то есть английских] поклонов и реверансов» в России мужчина при встрече с дамой целует ей руку, а дама целует его в лоб, с удивлением писала и Марта Вильмот [Вильмот, с. 234].

Возможно, поражаясь и даже порицая обычаи русских светских дам и кавалеров целоваться не только во время приветствия, но и радуясь удачно сказанному слову, англичанки XVIII в. позабыли, что и их нацию за два столетия до того тоже отличала любовь к подобным церемониям. Так, Кристофер Ньуроп приводит сообщения Эразма Роттердам-

ского о том, что в начале XVI в. в Англии «куда ни придешь, везде тебя целуют. Уезжаешь – также целуют... Целуют и при встрече, и при прощании. Везде и всюду целуют» [Ньюроп, с. 112–113; см. также: Tegg, p. 148–157; Frijhoff, p. 225]. Однако в следующие века пуритане значительно изменили манеры британцев, и в XVIII в., как отмечает в новейшем исследовании Пенелопа Корфилд, даже целование руки стало казаться подозрительно «иностранным», нарушающим британский обычай сохранения “another person’s body space” [Corfield, p. 12–15].

Между тем, в рассмотренном выше случае с представлением четы британского посла Екатерине II Каткарты во имя интересов политики двух держав сумели отказаться от архетипов, предрассудков и предпочтений своих соотечественников. И, хотя аудиенция леди Каткарт произошла только через месяц после принятия условий российского церемониала, ее отложили не из-за упорства родовой англичанки, а из-за ее болезни: «comme tout les étrangers», она трудно привыкала к невосковой воде и долго акклиматизировалась в Петербурге (записи августа-сентября 1768 г.) [NLS. MD. 12686/5/20]. Она готова была попрощаться с жизнью и в своем интимном дневнике посвятила болезни и беспокойству о своей увядающей внешности (по ее мнению, недостойной супруги английского посла – «le caractère de l’ambassadrice d’Angleterre») много больше места, чем описанию аудиенции при дворе (запись за сентябрь 1768 г.) [Ibid.].

Эта «частная аудиенция» состоялась наконец в понедельник 15/26 сентября 1768 г. после обеда перед куртагом. Представляла леди Каткарт обер-гофмейстерина Анна Карловна Воронцова в тронном зале, после представления леди поцеловала руку Екатерины II, а императрица в ответ поцеловала «посольшу» в щеку. Лорд Каткарт в депеше сообщал об этом так:

Her Imperial Majesty saluted her in the same instant that she kissed her hand and was pleased herself to introduce her to the Grand Duke saying: *Madame, voici mon fils* [СИРИО, т. 12, с. 364; Агеева, с. 277–278].

Сама леди лишь скупо упомянула об аудиенции, хотя обычно в дневниковых записях не была скована в выражении своих чувств. Вероятно, она посчитала возможным встать над условностями, так вначале смущавшими ее супруга. Она сетовала лишь на то, что в последовавшем за аудиенцией круговороте светской жизни ей не хватало времени взяться за перо и уединиться в своем кабинете:

Je ai été initiée à la cour, présentée à l’Impératrice, dans les circles, des bals, des assemblées, visites payées, visites rendues, festins donnés; Loupée à la Cour après les bals, comédie a pris une autre soirée, enfin toutes ces choses ne finissent point, encore à la maison marchande de Pélétine, marchand de mode, couturière, friseur, tout cela me dévore mes précieux instants et je néglige ce qui est plus essentiel, hélas! (запись 23 сентября / 4 октября 1768 г.) [NLS. MD. 12686/5/20].

В конце сентября Петербург, в особенности двор, на три дня погрузился в различные увеселения: праздновали день коронации Екатерины и день рождения наследника Павла Петровича [ср.: «Русская верность, честь и отвага» Джона Элфинстона, с. 153–155]. В эти дни Каткарты давали большой обед в своей резиденции, посещали оперу, вместе с императрицей навещали Смольный; в день 16-летия великого князя Павла Петровича они впервые вывели в свет свою 14-летнюю дочь Джейн, танцевавшую с великим князем на балу (запись от 23 сентября / 4 октября 1768 г.) [NLS. MD. 12686/5/20]. Леди Каткарт в дальнейшем стала заметной фигурой при дворе Екатерины II, участницей многих событий придворной и городской жизни Петербурга; в этот город и его обитателей она внимательно всматривалась, заводила знакомства и оставила серию интересных описаний [подробнее об этом см.: Смилянская]. Но важно подчеркнуть и то, что с принятием церемониала по случаю представления «посольши» Каткарт в дипломатической культуре России все чаще появляются «женские роли». Как и на Западе, в России супруги послов постепенно становятся заметными фигурами, выполняющими не только этикетное представительство [ср.: Allen].

Еще в августе лорд Каткарт, согласовав церемониал целования руки, выразил Н. И. Панину надежду на то, что со временем ему случится разбирать вместе с главой коллегии иностранных дел *«вопросы гораздо большей важности, но с той же легкостью и доверчивостью»* (выделено мною. – Е. С.)» [СИРИО, т. 12, С. 354].

Действительно, когда церемониальные дела и праздничные мероприятия закончились, наступила та серьезная дипломатическая работа, которая ознаменовалась редкой близостью в истории двух держав. 29 сентября / 10 октября были сформулированы «Мнения Русского двора относительно союза с Великобританией», союза, который так заключить и не удалось, но многолетние переговоры о нем определяли барометр российско-британских отношений в конце 1760-х и в 1770-е гг. [Родзинская; Anderson; Scott, 2001; Соколов; Лабутина].

Казус 1768 г. с представлением британской посольской четы императрице Екатерине II оказался примечательным в истории российской дипломатической культуры. Он показал, что императрица была весьма настойчива в вопросе оказания иностранным послом и его супругой почести российской короне *через целование руки правительницы*, без этого церемониального жеста представление не могло состояться и впредь, что было зафиксировано в особой декларации от 19/30 августа 1768 г. Там, где даже Петр I допустил исключение, Екатерина II настояла на своем. Представление леди Каткарт стало важным прецедентом, на который в дальнейшем ссылались иностранные дипломаты в России, прибывая ко двору со своими семействами, завязывая широкие связи, привнося в светскую жизнь Петербурга дополнительные черты космополитизма. Наконец, напряженное обсуждение церемониального жеста в 1768 г. лишний раз показало, что любая деталь церемониала может считаться не только условностью, но и стать *условием* для реализации большой политической миссии.

Список литературы

- АВПРИ. Ф. 35/6 (Сношения России с Англией). Д. 566. Сообщения английского посла Каткарта Н. И. Панину. 1768 г.
- Агеева О. Г. Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М. : Новый хронограф, 2012. 936 с.
- Байбуриной А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета : этногр. очерки. Л. : Наука, 1990. 165 с.
- Бильбасов В. А. История Екатерины II. Берлин : Изд. Фридриха Готтгейнера, 1900. Т. 1. Екатерина до воцарения, 1729–1762. X, 659 с.
- Веселовский Н. И. Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории. СПб. : Тип. Б. М. Вольфа, 1911. [2], 19 с.
- Герберштейн С. Записки о Московии : в 2 т. М. : Памятники ист. мысли, 2008. Т. 1. Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А. И. Малеина и А. В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А. В. Назаренко. 774 с.
- Корб И. Г. Дневник путешествия в Московское царство // Рождение империи. М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 25–257.
- Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век / авториз. пер. с англ. Ю. и Н. Бес-пятаых. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. 526 с.
- Лабуткина Т. Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб. : Алетейя, 2019. 458 с.
- Нюрон К. О поцелуях : Культурно-исторический очерк / пер. с дат. А. и П. Ганзен. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1898. [4], IV, 140 с.
- ПСЗ-1. Т. 12.
- Родзинская И. Ю. Русско-английские отношения 60-х – 70-х гг. XVIII в. (1762–1775) : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 1967. 414 с.
- «Русская верность, честь и отвага» Джона Элфинстона: повествование о службе Екатерине II и об Архипелагской экспедиции Российского флота / пер. с англ., исслед. и коммент. Е. Смилянкой и Ю. Лейкина. М. : Новое лит. обозрение, 2020. 603 с.
- СИРИО. Т. 12. XXVII, 499 с.; Т. 19. XXVII, 547 с.; Т. 48. [6], LI, 660 с.; Т. 95. 10, XX, 766 с., 110 стб.
- Смилянская Е. Б. Англофилия Екатерины II и «исключительное посольство» лорда Каткарта в Санкт-Петербург в 1768–1772 гг. // J. of Modern Russian History and Historiography. 2019. No. 12 (1). P. 224–244. DOI 10.1163/22102388-01201009.
- Смилянская И. М., Велижев М. Б., Смилянская Е. Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М. : Индрик, 2011. 838 с.
- Соколов А. Б. Навстречу друг другу : Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1992. 300 с.
- Юзефович Л. А. Путь посла: русский посольский обычай, обиход, этикет, церемо-ниал : конец XV – первая половина XVII в. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 340 с.
- Allen G. The Rise of the Ambassadors: English Ambassadorial Wives and Early Modern Diplomatic Culture // Historical J. Vol. 62. 2019. Iss. 3. P. 617–638. DOI 10.1017/S0018246X1800016X.
- Allgor C. “A Republican in a Monarchy”: Louisa Catherine Adams in Russia // Diplo-matic History. Vol. 21. 1997. Iss. 1. P. 15–43. DOI 10.1111/1467-7709.00049.
- Anderson M. S. Great Britain and Russo-Turkish War of 1768–74 // English Historical Rev. Vol. 19. 1954. № 270. P. 39–58.
- Belsey H. Gainsborough’s Beautiful Mrs Graham. Edinburgh : National Gallery of Scotland, 2003. 61 p.
- Corfield P. From Hat Honour to the Handshake: Changing Styles of Communication in the Eighteenth Century // Hats Off, Gentlemen! Changing Arts of Communication in the Eighteenth Century. Arts de communiquer au dix-huitième siècle / ed. by P. J. Corfield and L. Hannan. Paris : Honoré Champion, 2017. P. 11–30.

Frijhoff W. The Kiss Sacred and Profane: Reflections on a Crosscultural Confrontation // A Cultural History of Gestures: From Antiquity to the Present. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1991. P. 210–236.

Frötschel R. Der Handkuss in den Zeremonialprotokollen des Wiener Hofes (1652–1787). Wien, 2009 // Universitätsbibliothek Wien : [website]. URL: http://othes.univie.ac.at/4065/1/2009-03-24_8806237.pdf (accessed: 05.05.2020).

Hennings J. Russia and Courtly Europe. Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2016. XI, 297 p.

Hofmann-Randall Ch. Die Herkunft und Tradierung des Burgundischen Hofzeremoniells // Zeremoniell als höfische Ästhetik in Spätmittelalter und Früher Neuzeit / Hrsg. von J. J. Berns, T. Rahn. Tübingen : De Gruyter, 1995. S. 150–156. DOI 10.1515/9783110239638.

Maxtone-Graham M. E. The Beautiful Mrs. Graham and the Cathcart Circle. L. : Houghton Mifflin Company, 1928. 322 p.

Moser F. K. von. L'ambassadrice et ses droits. Berlin : De Bourdeaux, 1754. [4], 184 p. NLS MD – NLS. Manuscript Division. Acc. 12686. A5 (Cathcart J. Memoranda of Russia, 1768–1771).

Richardson W. Anecdotes of the Russian Empire: In a Series of Letters, Written, a Few Years Ago, from St Petersburg. L. : W. Strahan and T. Cadell, 1784. XVI, 478 p.

Rousset de Missy J. de Dumont. Le ceremonial diplomatique des cours de l'Europe, ou Collection des actes, memoires et relations... Et en général tout ce qui a rapport au Cérémonial [et] à l'Etiquette. Amsterdam ; La Haye : Chez les Janssons à Waesberge, Wetstein & Smith, & Z. Chatelain, 1739. 988 p.

Scott H. M. Great Britain, Poland and the Russian Alliance, 1763–1767 // *Historical J.* Vol. 19. 1976. No. 1. P. 53–74. DOI 10.1017/S0018246X00018306.

Scott H. The Emergence of the Eastern Powers, 1756–1775. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2001. XV, 285 p.

Scott H. M. Diplomatic Culture in Old Regime Europe // *Cultures of Power in Europe during the Long Eighteenth Century.* Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007. P. 58–85.

Tegg W. Meetings and Greetings: The Salutations, Obeisances and Courtesies of Nations. L. : William Tegg & Co, 1877. 296 p.

TNA. SP. Dos. 91/79.

References

Ageeva, O. G. (2012). *Diplomaticheskii tseremonial imperatorskoi Rossii. XVIII vek* [Diplomatic Ceremonial in Imperial Russia. 18th Century]. Moscow, Novyi khronograf. 936 p.

Allen, G. (2019). The Rise of the Ambassador: English Ambassadorial Wives and Early Modern Diplomatic Culture. In *Historical J.* Vol. 62. Iss. 3, pp. 617–638. DOI 10.1017/S0018246X1800016X.

Allgor, C. (1997). “A Republican in a Monarchy”: Louisa Catherine Adams in Russia. In *Diplomatic History.* Vol. 21. Iss. 1, pp. 15–43. DOI 10.1111/1467-7709.00049.

Anderson, M. S. (1954). Great Britain and Russo-Turkish War of 1768–74. In *English Historical Rev.* Vol. 19. No. 270, pp. 39–58.

AVPRI [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock 35/6 (Snosheniya Rossii s Anglii). Dos. 566. Soobshcheniya angliiskogo posla Katkarta N. I. Paninu. 1768 g.

Baiburin, A. K., Toporkov, A. L. (1990). *U istokov etiketa. Etnograficheskie ocherki* [At the Origins of Etiquette. Ethnographical Essays]. Leningrad, Nauka. 165 p.

Belsey, H. (2003). *Gainsborough's Beautiful Mrs. Graham.* Edinburgh, National Gallery of Scotland. 61 p.

Bil'basov, V. A. (1900). *Istoriya Ekateriny II* [The Story of Catherine II]. Berlin, Izdanie Fridrikha Gottgeinera. Vol. 1. Ekaterina do votsareniya, 1729–1762. X, 659 p.

Corfield, P. (2017). From Hat Honour to the Handshake: Changing Styles of Communication in the Eighteenth Century. In Corfield, P. J., Hannan, L. (Eds.). *Hats Off, Gentlemen! Changing Arts of Communication in the Eighteenth Century. Arts de communiquer au dix-huitième siècle.* Paris, Honoré Champion, pp. 11–30.

Cross, A. (2005). *Britantsy v Peterburge: XVIII vek* [By the Banks of the Neva] / transl. by Yu. and N. Bespyatykh. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 526 p.

[Elphinstone] (2020). "Russkaya vernost', chest' i otvaga" *Dzhona Elfinstona: povestvovanie o sluzhbe Ekaterine II i ob Arkhipelagskoi ekspeditsii Rossiiskogo flota* [Russian Faith, Honour & Courage by John Elphinstone: A Narrative on His Service to Catherine the Great and about the Archipelago Expedition of the Russian Fleet] / transl., introduction and annotations by E. Smilianskaya and J. Leikin. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 603 p.

Frijhoff, W. (1991). The Kiss Sacred and Profane: Reflections on a Crosscultural Confrontation. In *A Cultural History of Gestures: From Antiquity to the Present*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, pp. 210–236.

Frötschel, R. (2009). Der Handkuss in den Zeremonialprotokollen des Wiener Hofes (1652–1787). Wien. In *Universitätsbibliothek Wien* [website]. URL: http://othes.univie.ac.at/4065/1/2009-03-24_8806237.pdf (accessed: 05.05.2020).

Hennings, J. (2016). *Russia and Courtly Europe. Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. XI, 297 p.

Herberstein, S. von. (2008). *Zapiski o Moskovii v 2 t.* [Notes on Muscovite Russia. 2 Vols.]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. Vol. 1. Latinskii i nemetskii teksty, russkie perevody s latinskogo A. I. Maleina i A. V. Nazarenko, s rannenovoverkhnemetskogo A. V. Nazarenko. 774 p.

Hofmann-Randall, Ch. (1995). Die Herkunft und Tradierung des Burgundischen Hofzeremoniells. In Berns, J. J., Rahn, T. (Hrsg.). *Zeremoniell als höfische Ästhetik in Spätmittelalter und Früher Neuzeit*. Tübingen, De Gruyter, S. 150–156. DOI 10.1515/9783110239638.

Korb, J. G. (1997). Dnevnik putesthestviya v Moskovskoe tsarstvo [Diary of the Journey to the Tsardom of Muscovy]. In *Rozhdenie imperii*. Moscow, Fond Sergeya Dubova, pp. 25–257.

Labutina, T. L. (2019). *Britanskie diplomaty i Ekaterina II. Dialog i protivostoyanie* [British Diplomats and Catherine II. Dialogue and Confrontation]. St Petersburg, Aleteiya. 458 p.

Maxtone-Graham, M. E. (1928). *The Beautiful Mrs. Graham and the Cathcart Circle*. L., Houghton Mifflin Company. 322 p.

Moser, F. K. von. (1754). *L'ambassade et ses droits*. Berlin, De Bourdeaux. [4], 184 p. NLS MD – NLS Manuscript Division. Acc. 12686. A5 (Cathcart, J. Memoranda of Russia, 1768–1771).

Nyrop, K. (1898). *O potseluyakh. Kul'turno-istoricheskii ocherk* [On Kissing: A Cultural-Historical Sketch]. St Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. [4], IV, 140 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 12.

Richardson, W. (1784). *Anecdotes of the Russian Empire: In a Series of Letters, Written, a Few Years Ago, from St Petersburg*. L., W. Strahan and T. Cadell. XVI, 478 p.

Rodzinskaya, I. Yu. (1967). *Russko-angliiskie otnosheniya 60-kh – 70-kh gg. XVIII v. (1762–1775)* [Russo-English Relations in the 1760s – 1770s (1762–1775)]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 414 p.

Rousset de Missy, J. de Dumont. (1739). *Le ceremonial diplomatique des cours de l'Europe, ou Collection des actes, memoires et relations... Et en général tout ce qui a rapport au Cérémonial [et] à l'Etiquette*. Amsterdam, La Haye, Chez les Janssons à Waesberge, Wetstein & Smith, & Z. Chatelain. 988 p.

Scott, H. M. (1976). Great Britain, Poland and the Russian Alliance, 1763–1767. In *Historical J.* Vol. 19. No. 1, pp. 53–74. DOI 10.1017/S0018246X00018306.

Scott, H. (2001). *The Emergence of the Eastern Powers, 1756–1775*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. XV, 285 p.

Scott, H. M. (2007). Diplomatic Culture in Old Regime Europe. In *Cultures of Power in Europe during the Long Eighteenth Century*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, pp. 58–85.

SIRIO [Collection of the Russian Imperial Historic Society]. Vol. 12. XXVII, 499 p. Vol. 19. XXVII, 547 p.; Vol. 48. [6], LI, 660 p.; Vol. 95. 10, XX, 766 p., 110 columns.

Smilyanskaya, E. B. (2019). Anglofiliya Ekateriny II i “isklyuchitel’noe posol’stvo” lopda Katkarta v Sankt-Peterburg v 1768–1772 gg. [Catherine II’s Anglophilia and Lord Cathcart’s “Extraordinary Embassy” in St Petersburg, 1768–1772]. In *J. of Modern Russian History and Historiography*. Vol. 12 (1), pp. 224–244. DOI 10.1163/22102388-01201009.

Smilyanskaya, I. M., Velizhev, M. B., Smilyanskaya, E. B. (2011). *Rossiya v Sredizemnomor’e. Arkhipelagskaya ekspeditsiya Ekateriny Velikoi* [Russia in the Mediterranean. Archipelago Expedition of Catherine the Great]. Moscow, Indrik. 838 p.

Sokolov, A. B. (1992). *Navstrechu drug drugu. Rossiya i Angliya v XVI–XVIII vv.* [Towards Each Other. Russia and England in the 16th–18th Centuries]. Yaroslavl’, Verkhne-Volzhscoe knizhnoe izdatel’stvo. 300 p.

Tegg, W. (1877). *Meetings and Greetings: The Salutations, Obeisances and Courtesies of Nations*. L., William Tegg & Co. 296 p.

TNA. SP. Dos. 91/79.

Veselovskii, N. I. (1911). *Tatarskoe vliyanie na russkii posol’skii tseremonial v moskovskii period russkoi istorii* [Tartar Influence on the Russian Ambassadorial Ceremonial in the Muscovite Period of Russian History]. St Petersburg, Tipografiya B. M. Vol’fa. [2], 19 p.

Yuzefovich, L. A. (2011). *Put’ posla: russkii posol’skii obychai, obikhod, etiket, tseremonial. Konets XV – pervaya polovina XVII v.* [The Path of an Ambassador: Russian Embassy Custom, Everyday Life, Etiquette, Ceremonial. Late 15th – First Half of the 17th Centuries]. St Petersburg, Izdatel’stvo Ivana Limbakha. 340 p.

The article was submitted on 09.06.2020